

Изгоев Александр Соломонович

Русское общество и революция

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Соломонович И.**
Русское общество и революция / Изгоев Александр Соломонович – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 276 с.

ISBN 978-5-519-86872-3

ISBN 978-5-519-86872-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

агандѣ конституціонныхъ идей въ Россіи. Внутренно это сказалося тѣмъ, что только марксизму удалось теоретически обосновать необходимость для Россіи конституціоннаго строя и это обоснованіе было такъ блестяще, такъ оправдывалось событіями жизни, что очень скоро отъ старыхъ народническихъ анти-конституціонныхъ иллюзій не осталось и слѣда. Эти иллюзіи потомъ возродились—такова иронія судьбы—въ лагерѣ «твердо-каменныхъ» социаль-демократовъ изъ интеллигенціи. Марксисты доказали, что конституціи требуетъ ходъ экономическаго развитія Россіи, что переходъ къ правовому строю отъ феодально-самодержавнаго обусловливается переходомъ отъ натурального, преимущественно земледѣльческаго, быта къ современному мѣновому индустріальному денежному хозяйству. Жизнь блестяще оправдала ихъ теоріи.

Когда это начало сказываться, въ лагерѣ русскихъ марксистовъ и произошелъ коренной расколъ. Я говорю не о маловажномъ фракціонномъ дѣленіи на большевиковъ и меньшевиковъ, а о коренномъ отколѣ марксистовъ неортодоксальныхъ отъ марксистовъ ортодоксальныхъ.

Въ Западной Европѣ марксизмъ родился тѣсно спаяннымъ съ социализмомъ. Но эта спайка не идейнаго, генетическаго характера, а чисто-историческаго, спайка отъ совместнаго существованія. Идейно марксизмъ вовсе не влечетъ непремѣнно къ социализму и, какъ неоднократно говорилось, можно быть марксистомъ, не будучи социалистомъ, и можно быть социалистомъ, не будучи марксистомъ. Значительная часть русской интеллигенціи была социалистичною до того, какъ восприняла марксизмъ и, воспринявъ его, рѣшила имъ воспользоваться для скорѣйшаго осуществленія социализма. Объективное ученіе о закономерности социально-политическаго развитія было въ сущности подмѣнено субъективнымъ пророчествомъ скорѣйшаго наступленія социализма.

Теперь уже доказано, что идейно своими наиболее глубокими корнями марксизмъ связанъ съ одной стороны съ утилитаризмомъ Бентама, съ другой — съ органическими теоріями французской реакціонной школы начала XIX вѣка. Но въ воспріятіи большинства русской интеллигенціи элементы подлиннаго марксизма уступили свое мѣсто фантастическому пророчеству о «прыжкѣ изъ царства необходимости въ царство свободы». Такъ какъ въ Западной Европѣ главнымъ дѣятелемъ этого «прыжка» долженъ былъ быть пролетаріатъ, въ дѣйствительности являющійся главнымъ элементомъ строя, эволюціонно идущаго на смѣну капитализму, то и въ Россіи всѣ «надежды» начали возлагать на пролетаріатъ.

Съ русскими «ортодоксальными», «революціонными» марксистами—соціалъ-демократами повторилась таже исторія, что съ утопистами-народниками. Уроки политическаго реализма пропали даромъ. Существующее вновь стали подмѣнять желаемымъ и вмѣсто серьезнаго изученія реальныхъ общественныхъ силъ опять люди предались пріятному, но обманчивому фантазированію о грядущихъ соціалистическихъ переворотахъ. Создалась рабочая соціалъ-демократическая партія, сплошь состоящая изъ интеллигенціи. Во времена общественнаго возбужденія она поддерживала свое званіе «рабочей» партіи только тѣмъ, что демагогически плелась въ хвостѣ рабочей толпы, контръ-ассигнуя всѣ ея нелѣпѣйшія требованія въ родѣ введенія явочнымъ порядкомъ восьмичасоваго рабочаго дня. Теоретически прекрасно сознанная и обоснованная истина, что Россіи предстоитъ «буржуазная» революція, т.-е. такая, которая приведетъ къ гражданскому правовому строю, въ жизни, чуть только началась давно возвѣщавшаяся борьба, была подмѣнена утопической, нелѣпой теоріей перманентной революціи, непосредственно переходящей въ соціалистическую.

Марксисты неортодоксальные по этой дорогѣ не пошли.

Ясно видя необходимость и возможность широких социальных реформъ, они не менѣе ясно сознавали невозможность социалистическаго, въ подлинномъ смыслѣ, переворота въ странѣ со столь низкимъ развитіемъ производительныхъ силъ. Пробавляясь же социалистическими фразами и, будучи социальными реформаторами, выдавать себя за социалистовъ, какъ популярности ради дѣлаютъ многіе російскіе публицисты, они считали ниже своего достоинства.

Въ Россіи, въ противоположность Европѣ, смѣлымъ публицистомъ долженъ считаться не тотъ, кто объявляетъ себя социалистомъ, а тотъ, кто рѣшается говорить правду и высказывать то, что существуетъ въ жизни. Главнѣйшая задача нашего времени—это подъемъ производительныхъ силъ. Только при развитіи промышленности въ Россіи можетъ идти рѣчь о сколько-нибудь крупныхъ реформахъ въ области распредѣленія благъ. Неортодоксальные марксисты не дѣлали себѣ кумира изъ пролетаріата, а добросовѣстно искали тѣ социальные силы, которыя способны были [бы рѣшить очередную задачу, перевести Россію въ разрядъ правовыхъ государствъ. Если этотъ переходъ не удастся, если Россія не сможетъ превратиться въ свободное правовое государство, гибель ея неизбежна.

Въ этихъ поискахъ неортодоксальные марксисты и пришли къ интеллигенціи.

Землевладѣльческое дворянство безусловно въ огромномъ своемъ большинствѣ представляетъ силу реакціонную и къ тому же само оно постепенно разрушается и волей-неволей утрачиваетъ руководство провинціальной жизнью. Буржуазія въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. купцы и фабриканты, у насъ еще слаба, мало культурна, мало развита. Управление такой огромной, разноплеменной и разновѣрной страной ей еще не по силамъ. Къ тому же буржуазія сама едва ли гдѣ непосредственно и управляетъ государствомъ. Въ Англіи она все еще пользуется услугами высоко культурной независи-

мой аристократіи. Франціей правятъ адвокаты, журналисты, всякаго рода специалисты, настроенные вполнѣ государственно, патріотизмъ которыхъ закалился во время революціонныхъ войнъ. Въ Германіи задачу правовой организациі общества, способствующей наивысшему развитію производительныхъ силъ, взяла на себя честная, образованная, дѣловая, государственная бюрократія, чуждая слѣпой ненависти ко всякимъ общественнымъ силамъ. Къ тому же въ Германіи и дворянство, доставляя матеріалъ для лучшаго офицерскаго состава, не утратило еще руководящей роли въ сельскомъ хозяйствѣ, а слѣдовательно и въ сельской жизни.

Гдѣ же въ Россіи силы для конституціонной реформы? На кого можетъ опираться у насъ конституціонный строй? Всякій, кто серьезно, безъ предвзятыхъ мыслей и безъ ребяческихъ надуманныхъ социалистическихъ фантазій, подойдетъ къ этому вопросу, можетъ дать на него только одинъ отвѣтъ. Только интеллигенція, лица свободныхъ профессій, педагоги, такъ называемый «третій элементъ», земскій и городской, всякаго рода техническіе работники, близко стоящіе къ населенію, могутъ сдѣлать эту огромной важности работу.

Такимъ образомъ мы подошли къ анализу духовнаго склада русской интеллигенціи, ея нравственнаго облика, ея стремленій, ея недостатковъ и достоинствъ.

Отсюда родились «Вѣхи».

Почти всѣ авторы «Вѣхъ» прошли черезъ марксизмъ. Дальнѣйшее развитіе ихъ пошло въ разныя стороны и въ книгѣ они предстали съ разными идейными фізіономіями. Но ихъ объединила одна общая задача, одна общая цѣль.

Когда появились «Вѣхи», радикальная критика набросилась на нихъ съ криками: «клевета, пасквиль», книга продиктована ненавистью къ интеллигенціи, все это давно уже было сказано Дьяковымъ-Незлобинымъ, Цитовичемъ и другими пасквилянтами». Такимъ своимъ отношеніемъ къ «Вѣ-

хамъ» радикальные публицисты доказали не только свою слѣпоту, неумѣнье разбираться въ явленіяхъ жизни, но и свою глубокую недобросовѣстность. Радикальные публицисты отлично знали, что Маркевичи, Дьяковы, Цитовичи, прославившіеся своими пасквильными нападеніями на интеллигенцію, дѣлали это, большею частью, изъ корыстныхъ побужденій, получая за это субсидіи изъ фонда для рептильной печати или добиваясь доступа въ аристократическіе салоны. А даже публицистъ очень враждебной «Вѣхамъ» провинціальной газеты, долженъ былъ, не утратя чувства справедливости, написать такіа строки:

«Если бы мы твердо были убѣждены, что составители сборника получили авансы отъ старика Суворина, мы были бы чрезвычайно счастливы. Улыбаясь и хитро подмигивая другъ другу, хлопнули бы себя по карману — «знаемъ молъ» — и спокойно занялись бы каждый своимъ дѣломъ, стараясь возможно меньше рекламировать дрянную книжку. Мало ли мы видѣли ренегатовъ... Но въ томъ то и ужасъ, оттого брань и клики вокругъ струвенской компаніи, что въ тонѣ авторовъ «Вѣхъ» почудилась искренность; обвинения, которыя они бросили намъ въ лицо, мы не можемъ объяснить ни корыстью, ни злобой, это даже и не обвинения, а вѣрнѣе исповѣдь и даже непремѣнно такъ потому, что люди, написавшіе «Вѣхи», кость отъ кости и плоть отъ плоти той же интеллигенціи, такъ страшно поруганной ими» (Харьковское «Утро» № 736).

Нужна была элементарнѣйшая добросовѣстность, чтобы понять, что авторы «Вѣхъ» руководятся не ненавистью и враждой, а совсѣмъ иными чувствами. Рѣзкость и сконцентрированность ихъ нападокъ на интеллигенцію тѣмъ и вызвана, что они слишкомъ ясно видятъ огромную роль, предстоящую русской интеллигенціи, и сознаютъ, какъ много надо сдѣлать, чтобы она стала достойна этой роли, смогла разрѣшить задачу колоссальной трудности: превращеніе

Россіи въ правовое и демократическое государство. Невольно вспоминаются огненные, хотя и слегка напыщенные, слова Лассаля: «Ничто не налагаетъ на сословіе такого исполненнаго достоинства и глубоко-нравственнаго отпечатка, какъ сознаніе, что ему суждено быть господствующимъ сословіемъ. Высокая всемірно-историческая честь такого предназначенія должна переполнить собою всѣ ваши помыслы. Пороки угнетенныхъ, праздныя развлеченія людей немслящихъ, даже невинное легкомысліе ничтожныхъ—все это теперь недостойно васъ. Вы—скала, на которой созиждется церковь настоящаго!»

Пасквилянты, къ которымъ радикальные публицисты недобросовѣстно старались приравнять авторовъ «Вѣхъ», выполняли чужое порученіе, стремились загрязнить, затоптать интеллигенцію, чтобы облегчить правительству принятіе противъ нея репрессивныхъ мѣръ. Авторы «Вѣхъ» стремятся къ одному: къ перерожденію и возрожденію интеллигенціи, чтобы сдѣлать ее вполне достойной предстоящей ей задачи.

Изъ анти-государственной, анти-патріотичной—интеллигенція должна стать творческой, созидательно-государственной, по своимъ идеямъ, силой, не теряя въ тоже время свободы своего духа, не сквернясь холопствомъ, въ которомъ морально и умственно погибло наше нынѣшнее служебное сословіе.

Изъ анти-религіозной, фанатически атеистичной—интеллигенція должна превратиться въ группу людей, дѣйствительно культурныхъ. Она должна научиться цѣнить силу и значеніе для жизни подлинныхъ религіозныхъ идей, раздѣляемыхъ сотнями милліоновъ, но въ тоже время не унижаться до лицемѣрнаго ханжества, убивающаго человѣческій духъ.

Изъ духовно-высокомѣрной и нетерпимой она должна сдѣлаться истинно гуманной, отвергающей всякій терроръ, какъ физическій, такъ и моральный.

Изъ замкнутой въ себѣ узкой группы теоретиковъ-фантазеровъ интеллигенція должна превратиться въ широкое, открытое національное общество умственно развитыхъ людей, смотрящихъ на жизнь открытыми глазами, не подмѣняющихъ мыслей словами. Превращаясь въ національное, стоящее на почвѣ реальныхъ интересовъ, общество, интеллигенція въ то же время должна сохранить свой идеализмъ, свою готовность и умѣнье работать для блага общественнаго, такъ какъ безъ такого идеализма ни одна группа не можетъ пріобрѣсти прочнаго и благотворнаго вліянія на народъ.

Скажутъ, что поставленная задача не разрѣшима, что она утопична. На это могу дать только одинъ отвѣтъ: разрѣшеніе ея необходимо. Если не удастся создать въ Россіи государственную интеллигенцію сознательными усилиями, она въ ней народится, какъ результатъ цѣлаго ряда катастрофъ, если только за это время не погибнетъ и не расчленится само государство. Пока мы живы, наша задача предупреждать эти катастрофы и готовить людей, способныхъ къ творческой работѣ.

Надѣюсь, что эти предварительныя замѣчанія помогутъ читателю понять общій смыслъ статей, собранныхъ въ этой книгѣ, касающихся разнообразныхъ темъ, но связанныхъ одной общей идеей...

23 августа 1909 г.
С.-Петербургъ.

Самодержавіе и общественная жизнь ¹⁾).

На всѣхъ проявленіяхъ нашей общественной и духовной жизни лежитъ неизгладимая печать самодержавія. Мы говоримъ не о прямомъ вліяніи самодержавія, строившаго формы жизни по своему произволу, уничтожавшаго общественныя организаціи и плоды умственного творчества. Самодержавіе имѣло еще косвенное, отраженное вліяніе и послѣднее было во многихъ отношеніяхъ даже сильнѣе перваго. Гнетъ самодержавія вызывалъ протестъ,—и у всѣхъ людей съ пробуждающейся совѣстью, съ пробуждающимся сознаніемъ этотъ протестъ дѣлался главнымъ содержаніемъ жизни, все поглощалъ, все окрашивалъ собою. Общественная и духовная жизнь имѣли цѣнность въ представленіи лучшей и бѣльшей части русскаго общества лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ выражали протестъ противъ самодержавія, могли хотя бы и отдаленно служить орудіемъ борьбы противъ него.

Творческая способность человѣка создавать образы сочетаніемъ красокъ или словъ, живопись и поэзія, цѣнились у насъ, лишь поскольку онѣ служили средствомъ возбуждать людей къ борьбѣ съ самодержавіемъ. Наука, цѣнимая за границую, какъ развитіе умственной силы человѣчества и какъ орудіе господства человѣка надъ природою, у насъ

¹⁾ Русская Мысль 1907 г. Январь.

потеряла свое огромное методологическое и прикладное значение, а зато приобрѣла огромную цѣнность своими философскими выводами, стремящимися освободить человѣчество отъ той тьмы, которой закутывали умъ самодержавіе и поддерживающія его силы. За границей эта освободительная, рационализирующая сила науки была добавочнымъ продуктомъ, сопровождавшимъ развитіе научныхъ методовъ и усиленіе господства надъ природой. У насъ, наоборотъ, воинствующая сторона научныхъ гипотезъ, являвшихся хорошимъ орудіемъ борьбы съ идеологіей самодержавія, выдвинута была на первый планъ, а развитіе методовъ, изученіе подробностей, безъ знанія которыхъ общія идеи теряютъ свою цѣнность, были отброшены въ отдаленный уголъ и передовой частью общества клеймились даже, какъ педантизмъ и реакціонная «наука для науки».

Многія явленія русской духовной жизни, имѣвшія въ свое время для насъ первостепенный интересъ, въ родѣ, напри- мѣръ, перемежающейся борьбы сторонниковъ «идейнаго искусства» съ партизанами «искусства для искусства» или нѣкоторыхъ «соціологическихъ» теорій, или публицистической критики, представляются совершенно непонятными, ничтожными по содержанію, если отвлечься отъ породившаго ихъ самодержавнаго гнета, нависшаго надъ всей страной.

Въ общественной жизни повторялось буквально то же самое. Непреодолимой силой вещей самодержавіе вынуждено было преслѣдовать всякое общественное явленіе, возникшее независимо отъ него, не продавшееся ему. И въ свою очередь каждый союзъ людей, каждое собраніе, съѣздъ, сходка, каждое учрежденіе, допускающее выборное начало, неизбѣжно должны были становиться во враждебное отношеніе къ режиму, который, обладая огромными физическими силами при полномъ нравственномъ банкротствѣ, инстинктивно трепеталъ передъ каждой попыткой русскихъ людей объ-

единиться для достиженія общей цѣли. На самомъ крупномъ изъ нашихъ общественныхъ учреждений, на земствѣ, такое положеніе дѣлъ отразилось особенно ярко. Пожалуй, можно было бы сказать, что роль земства въ нашей странѣ была въ гораздо бѣльшей степени революціонной, чѣмъ культурной. Революціонные публицисты вполне основательно считаютъ, что работа земства была культурной лишь въ той мѣрѣ, въ какой она была революціонной: «дорога была тайная работа земства, а не открытая, подотчетная». Публицистъ-соціалистъ-революціонеръ, у котораго мы заимствовали эту фразу, слѣдуя за своими товарищами, не можетъ только уловить, что и «открытая, подотчетная работа» земства была тоже революціонной въ атмосферѣ полицейскаго государства. А. В. К. фонъ-Плеве это отлично понималъ. Онъ зналъ, что союзы земскихъ учреждений для взаимнаго страхованія, или для закупки сельско-хозяйственныхъ орудій, или для урегулированія продовольственныхъ запасовъ—явленія безусловно революціонныя и, къ удивленію всей Европы, умѣлъ выискивать въ нихъ крамолу. В. К. Плеве отлично понималъ, что и съѣздъ гинекологовъ или хирурговъ чреватъ большими опасностями для самодержавія, такъ какъ и гинекологи могли вынести политическія резолюціи и заявить, что при существующихъ государственныхъ порядкахъ они не въ состояніи выполнять какъ слѣдуетъ свои обязанности. Какъ извѣстно, такія резолюціи именно и были вынесены, и русское общество, черезчуръ ошутительно извѣдавшее на своихъ плечахъ причины ихъ породившія, вовсе не склонно было встрѣчать заявленія гинекологовъ съ той дешевой ироніей, которой пробавлялись продажные журналисты.

Мы никогда не кончили бы, если бы вздумали перечислять даже наиболѣе характерные факты, доказывающіе, что самодержавіе не могло мириться ни съ какими общественными организаціями и что, въ свою очередь, каждая обще-